

К. А. ИЛЬИНА

ТРАЕКТОРИИ НАУЧНОЙ АТТЕСТАЦИИ В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ 1830-х ГОДОВ ОПЫТ ЗАЩИТЫ А. И. ЧИВИЛЕВА¹

Статья посвящена практикам присуждения ученых степеней в Российской империи в 1830-е годы. На основе законодательных документов и архивного делопроизводства реконструированы общие и индивидуальные траектории академического восхождения. Проведенное исследование выявило наличие альтернативных путей для обретения ученой степени, что сделало возможным ручное управление процедурами аттестации со стороны министра народного просвещения.

Ключевые слова: научная аттестация, Российская империя, законодательство, делопроизводство, университеты, министерство народного просвещения, А.И. Чивилев.

Историографические дискуссии

Публикации российских историков ученых степеней имеют одну общую черту: их источниковая база ограничивается законами и персональными текстами (биографии, письма, мемуары)². Вследствие этого самоограничения исследователи вынуждены сосредоточиться на реконструкции правовых манипуляций академической аттестацией, точнее – на выявлении логики создания нормативного акта и его содержания (объем экзаменов на степень, диспут, утверждение в степени). В данном контексте мемуары и фрагментарно использованные делопроизводственные документы из архивов университетов служат для демонстрации (не)эффективности законодательства. Так, во всех исследованиях, посвященных присуждению ученых степеней в России первой половины XIX в. излагается университетский устав 1804 г., рассказывается о подготовке «Положения о присуждении ученых степеней» 1819 г. и о статьях этого Положения, затем об уставе 1835 г. и Положении о присуждении ученых степеней 1837 и 1844 гг. Обращаясь к середине 1820-х – 1830-х гг., историки науки и образования пересказывают государственные программы подготовки профессоров (создание Профессорского института при Дерптском университете и обучение студентов законовещения при II Отделении собственной Его императорского величества канцелярии). Для демонстрации их результативности приводятся данные о численности и социальном составе студентов, мемуарные свидетельства об их повседневной жизни, сведения о научной карьере выпускников³.

¹ Использованы результаты проекта «Критерии научности и эффективности в науках о человеке: история профессиональных конвенций в России/СССР», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г.

² См.: Университет в Российской империи... С. 326-388; Иванов 1994; Петров 2000. С. 364-376; Якушев 1998.

³ См., напр.: Иванов 1994. С. 71-77, Петров 2003. С. 23-44, 141-233; Тамул 1988; Костина 2011. С. 219-228; Андреев 2005. С. 287-317.

О процедурах академической аттестации, которую прошли персонажи исторических повествований, историки говорят как об устоявшихся, общих «правилах игры». Между тем, архивные свидетельства побуждают предположить, что в первой половине XIX в. академическая аттестация осуществлялась в весьма нечетком правовом поле. В руках университетских администраторов был комплекс противоречащих друг другу постановлений, распоряжений и циркулярных писем. Их инициаторами были не только министерские чиновники, но и преподаватели. Судя по всему, активное правотворчество было порождено кризисом университетов второй половины 1820-х гг. и затеянной в связи с этим кадровой реформой рубежа 1820–1830-х гг. Если мои гипотезы верны, то в таких условиях результаты научной аттестации были абсолютно непредсказуемыми: не существовало универсальных норм и требований для соискателей степеней и их университетских экспертов-оценщиков. Всё зависело от конкретных обстоятельств, от расстановки участников факультетского совета, заинтересованности и активности отдельных чиновников, и даже от скорости коммуникаций, персональных связей.

В данной статье показана множественность правовых путей и лазеек для обретения ученой степени в российских университетах 1830-х гг. – апогея правления Николая I и начала управления Министерством народного просвещения С.С. Уварова.

Правовая паутина

Изучение законодательства первой трети XIX в. продемонстрировало наличие у претендентов на ученое звание нескольких возможностей. Еще больше их стало в конце 1820-х – середине 1830-х гг.

В начале века действовали локальные учредительные грамоты и уставы 1803–1804 гг., очертившие общие контуры процедуры аттестации и утвердившие три ученые степени: кандидата, магистра и доктора. Они были введены указом «Об устройстве училищ» 24 января 1803 г.⁴ Подготовленное совместными усилиями профессоров и чиновников министерства «Положение о производстве в ученые степени» 1819 г. сделало процедуру академической аттестации универсальной для всей империи. Оно ввело дополнительную степень (действительного студента), установило преемственность степеней и последовательность прохождения аттестации, требования к объему знаний соискателей. Кроме того, в положении было осуществлено распределение «наук» (дисциплин) по факультетам. Присуждать ученые степени можно было по четырем факультетам: богословскому, юридическому, медицинскому и философскому, состоящему из двух отделений: физико-математического и этико-филологического⁵. Однако это разделение не соответствовало реальной структуре

⁴ Сборник постановлений... Т. 1. № 6. Стб. 17.

⁵ О производстве в ученые степени на основании положения о сем, 20 января 1819 // Сборник постановлений... Т. 1. № 340. Стб. 1135.

императорских университетов (которая не только отличалась от описанной в Положении, но и была уникальной в каждом учебном заведении)⁶.

Кадровый кризис в университетах второй половины 1820-х гг. стимулировал появление двух проектов подготовки профессоров, авторами которых были Г. Ф. Паррот и М.М. Сперанский. Первый из них, академик Петербургской академии наук, восстановитель Дерптского университета и его первый ректор указал правительству, что за четверть века существования Московский, Харьковский и Казанский университеты, несмотря на потраченные на них 10 млн руб., «не произвели того, что нужно для полезного существования сих университетов – класса природных русских профессоров, истинных, достойных сего имени ученых»⁷. В связи с этим он предложил устроить при Дерптском университете специальный институт для подготовки профессоров, набрать в него 156 воспитанников из русских университетов и через семь лет (после пятилетнего обучения в Дерпте, заканчивающегося защитой магистерской диссертации, и двухлетней стажировки в университетах Европы) заместить ими всех профессоров (за исключением ректоров). Против этого тогда выступил министр А.С. Шишков и некоторые члены Комитета устройства учебных заведений (М.М. Сперанский, П.А. Строганов). Остальные члены (К.А. Ливен, С.С. Уваров, Д.Н. Блудов, Я.О. Ламберт, А.К. Шторх, И.Ф. Крузенштерн) предложили отредактировать документ. В результате, проект и мнения по нему были представлены Николаю I. Император предписал выбрать для подготовки профессорской должности 20 воспитанников, а общий срок этой подготовки сократить до четырех лет (по два года в Дерпте и в европейских университетах)⁸.

Через пять месяцев император утвердил план обучения правоведов. Этот проект разработали М.А. Балугьянский и М.М. Сперанский. Планировалось, что студенты будут слушать лекции по римскому праву и латинской словесности в Петербургском университете и каждый день практиковаться у опытных чиновников II Отделения собственной Его императорского величества канцелярии⁹. Для этого Сперанский выбрал шесть лучших выпускников духовных академий Москвы и Санкт-

⁶ См.: Устав и Общие постановления императорского Виленского университета, 18 мая 1803 // Сборник постановлений... Т. 1. № 15. Стб. 45-46; Устав императорского Дерптского университета, 12 сентября 1803 // Там же. № 24. Стб. 137-138; То же, 4 июня 1820 // Там же. № 389. Стб. 1264-1265; Уставы императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов, 5 ноября 1804 // № 46. Стб. 268-269; Образование Главного Педагогического института, 23 декабря 1816 // № 264. Стб. 835; Об учреждении университета в С. Петербурге, 8 февраля 1819 // № 344. Стб. 1155.

⁷ По делу о приготвлении профессоров, 14 октября 1827 // Дополнение к Сборнику постановлений... № 103. Стб. 256.

⁸ Там же. Стб. 251-257.

⁹ Об образовании при С. Петербургском университете кандидатов правоведения, 24 января 1828 // Сборник постановлений... Т. 2, отд. 1. № 45. Стб. 89-91; см. также: Корф 1861. Т. 1. С. 329.

Петербурга, в которых прошла радикальная реформа обучения и где основательно учили латыни, церковному и каноническому праву.

Эти программы создали систему подготовки профессоров для императорских университетов. Однако в условиях ручного управления у высших сановников был соблазн добиться особых предпочтений или приспособления общей системы под интересы «своих» служащих. Так, 12 сентября 1830 г. попечитель Дерптского учебного округа барон фон дер Пален сообщил министру народного просвещения К.А. Ливену, что воспитанники Профессорского института имели разные исходные ученые степени: среди них были студенты, кандидаты, лекари, и даже один доктор. Попечитель поддержал просьбу ректора Дерптского университета и директора Профессорского института о разрешении совету университета присуждать сдавшим все экзамены воспитанникам степени не по порядку усложнения, а в соответствии с успехами и знаниями: в данном случае имелись в виду степени доктора философии и доктора юриспруденции, так как к тому времени Дерптский университет уже обладал правом присуждать студентам медицины степень доктора. Оно, естественно, распространялось и на медицинских воспитанников Профессорского института. Эта инициатива была утверждена комитетом министров и императором 11 ноября 1830 г.¹⁰ 30 января 1831 г. барон фон дер Пален уведомил министра о том, что исправляющий должность директора Профессорского института профессор патологии, терапии и клиники Ф.Х. Эрдман обратился в совет университета с просьбой изменить существующий порядок экзаменов на ученые степени. Он считал, что иначе воспитанники «должны бы были заняться науками, которые весьма удалены от главных их наук», так как экзамен на степень подразумевал испытание соискателей во всех дисциплинах факультета. Однако остальные профессора проголосовали за сохранение прежних правил¹¹. Таким образом, вывести воспитанников института из поля действия Положения 1819 года Эрдману не удалось.

Еще одна инициатива по изменению порядка аттестации пришлась на февраль 1831 г. Эрдман написал в совет, что сдавшие экзамены и направляющиеся в зарубежные стажировки воспитанники должны, согласно законодательству, представить диссертации. Однако, по его мнению, соискатели не располагали временем для написания «основательных рассуждений» и их публичной защиты. На этот раз коллеги поддержали инициативу Эрдмана. В собрании совета университета было решено, чтобы после экзаменов на степень в Дерптском университете,

¹⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 668 «Дела об установлении правил экзаменов воспитанников Профессорского института при отъезде их в научные командировки за границу и при производстве в ученые степени; об утверждении в ученых степенях воспитанников института», 1830-1832. Л. 24-24 об. 29.

¹¹ Там же. Л. 1 – о Л. 1 об.

воспитанники Профессорского института отправлялись в заграничные стажировки, где «сверх других занятий» должны были написать диссертации. Защиты планировалось провести по возвращении молодых ученых в Россию в Дерпте или в любом другом университете империи. Но Ливен 13 марта 1831 г. напомнил об уже подписанных привилегиях для воспитанников института и заметил, что молодые ученые имеют достаточно времени для сочинения и защиты диссертаций¹².

В июле 1835 г. со стажировок вернулись воспитанники первого набора Профессорского института, не удостоенные докторских степеней: три магистра (экономист А.И. Чивилев, историк М.С. Куторга и физик В.И. Лапшин) и два кандидата (филолог В.С. Печерин и экономист В.С. Порошин). Специально для них министр инициировал появление указа 23 июля 1835 г. (за три дня до обнародования нового университетского устава). В нем говорилось о намерении «сократить многосложные формы» испытаний, чтобы как можно быстрее определить молодых ученых на кафедры. Уваров ссылался на опыт Сперанского и рекомендовал применить для испытания ученых правила, аналогичные разработанным для студентов законовведения¹³. Экзамены предполагалось провести в Санкт-Петербургском университете.

Привилегии для своих воспитанников требовали и чиновники II Отделения. В 1833 г. первый поток обученных юных законоведов прибыл из Берлина и встал вопрос об их аттестации. 12 апреля 1833 г. Балугьянский, по инициативе Сперанского, подал императору большую записку «О студентах правоведения, возвратившихся из Берлина и находящихся при II Отделении собственной ЕИВ Канцелярии». В ней он изложил историю обучения воспитанников отделения в Санкт-Петербурге и Берлине, акцентируя внимание на их успехах в учебе и жертвах, которые они принесли, чтобы учиться, а не расти в чинах. Апеллируя к опыту Профессорского института, автор просил разрешения испытывать вернувшихся студентов на степень доктора прав в столичном университете. Более того, указывая на отсутствие единых норм научной аттестации, Балугьянский высказал мысль о необходимости составления специальной программы для испытания студентов законовведения. Император одобрил этот план действий на следующий день¹⁴. К середине декабря правила были готовы. 29 января 1834 г. начались испытания студентов¹⁵.

¹² Там же. Л. 4, 8-9.

¹³ Об испытании молодых ученых, возвратившихся из чужих краев, 23 июля 1835 // Сборник постановлений... Т. 2, отд. 1. № 361. Стб. 739; ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 477. Д. 23 «Переписка совета императорского Московского университета с отделением словесных наук по учебным вопросам», 1835. Л. 159 об.

¹⁴ РГИА. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 118 «Дело об обучении при II Отделении Собственной ЕИВ Канцелярии», 1828-1834. Л. 22-31 об.

¹⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 22. Д. 61 «Об испытании в Санкт-Петербургском университете студентов законовведения, обучавшихся в Берлинском университете», 1833-1845.

Попечитель Санкт-Петербургского учебного округа князь Дондуков-Корсаков в своем письме в Департамент народного просвещения в начале января 1835 г. описывал последние штрихи к подготовке первых защит студентов законовведения В.П. Знаменского и К.А. Неволлина. Глава округа доносил, что еще в октябре 1834 г. философско-юридический факультет определил «обряд публичного акта» и список приглашенных, а также назначил оппонентов из профессоров. Процесс задерживала печать диссертаций, которые из-за «множества ученых ссылок и примечаний на греческом языке» представляли «большое затруднение при корректуре»¹⁶. Даты защит были назначены. Однако Знаменский умер за неделю до диспута в январе. 8 февраля 1835 г. Неволлин блестяще защитил диссертацию «О философии законодательства у древних» на трех языках: русском, латинском и немецком. Известно, что в январе 1835 г. на рассмотрении факультета находилась диссертация еще одного студента Сперанского – А.А. Благовещенского¹⁷. Оставшиеся студенты (С.О. Богородицкий и С.Н. Орнатский) так и не подали готовых текстов.

А Уваров меж тем просил у Сперанского как можно скорее заместить его студентами три вакантные кафедры нравственно-политического отделения Московского университета. «Единственным препятствием» в исполнении требования являлось то, что большинство вернувшихся из Европы студентов еще не сдали необходимых экзаменов и не подготовили диссертаций. 28 февраля 1835 года Сперанский уведомил министра народного просвещения, что Балугьянский представил ему проект «о сокращении испытания» студентам. Чиновник предлагал вместо написания и защиты диссертаций (на что понадобился бы еще как минимум год) провести публичную защиту соискателями «от 30 до 40 и более тез, извлеченных из состава всех юридических наук»¹⁸. Это позволило бы окончить испытания студентов к концу мая. Сперанский намеревался испрашивать разрешения императора на реализацию этого проекта. 13 мая 1835 года Балугьянский доносил Уварову, что проект о замене диссертации публичной защитой тезисов был утвержден императором¹⁹. От студентов требовалось написать и представить диссертации после распределения их по университетам империи.

Кроме того, с августа-сентября 1835 г. начинали действовать касающиеся научной аттестации положения нового устава (полностью устав вступал в силу с 1837 г.). Они носили уточняющий характер, отражая

Л. 13-17 об., 32 об.-33 об. Черновик правил в ОР РНБ. Ф. 731 (Сперанский М.М.). № 1149 «Сперанский М.М. Означение предметов и порядка испытания студентам законовведения, обучавшимся в Берлинском университете», б/д. Черновой автограф. Карандаш. Л. 1-6. Копия правил см.: ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 477. Д. 23. Л. 161-161 а.

¹⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 22. Д. 61. Л. 24 об.

¹⁷ Там же. Л. 24 об., 28-28 об., 36.

¹⁸ Там же. Л. 41-42.

¹⁹ Там же. Л. 45-45 об.

результаты практики аттестации первой трети XIX в., но было несколько существенных отличий. Так, упразднялась степень «действительного студента» и сохранялось три: кандидата, магистра, доктора. Однако наибольший резонанс вызвало введение требования докторской степени к соискателю должности профессора²⁰. Следует отметить, что применительно к Дерптскому университету такое требование было прописано еще в уставе 1803 г., а затем и 1820 г.²¹ Более того, к 1835 г. для остальных университетов оно также существовало уже 15 лет. Еще 19 февраля 1820 г. министр духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицын выпустил специальный циркуляр, предписывающий соискателям профессорских мест иметь степень доктора, а адъюнктов – магистра²², но это предложение имело «пожелательный» характер («при встречающихся случаях по всей возможности») и потому не соблюдалось. Судя по всему, к 1835 г. профессора успели о нем забыть, и поэтому прописывание этого требования в уставе 1835 г. вызвало панику среди не имеющих нужных степеней преподавателей.

Видимо, желая сохранить для университетов талантливых молодых преподавателей без степени, министр Уваров в конце 1835 г. инициировал специальный указ. Согласно ему, адъюнкты университетов в ближайший год могли получить степень доктора без экзаменов. От них требовалось написать и публично защитить диссертацию²³. В апреле 1838 г. данная привилегия университетским адъюнктам была дана еще раз²⁴. Здесь можно поспорить с А.Е. Ивановым, который считает, что впервые защита диссертации без предварительных экзаменов была уза-

²⁰ Общий устав императорских российских университетов, 26 июля 1835 // Сборник постановлений... Т. 2, отд. 1. № 363. Стб. 754. О реакции на устав и научной аттестации С.П. Шевырева см.: Ильина 2015.

²¹ Устав императорского Дерптского университета, 12 сентября 1803 // Сборник постановлений... Т. 1. № 24. Стб. 140; То же, 4 июня 1820 // Там же. № 389. Стб. 1265.

²² Циркулярное предложение о том, чтобы ищущие профессорских и адъюнктовских мест имели степени докторов и магистров, 19 февраля 1820 // Сборник распоряжений... Т. 1. № 184. С. 406-407.

²³ «Для состоящих ныне при университете экстраординарных профессоров и адъюнктов, не имеющих ученых степеней, требуемых 76-м пунктом общего устава университетов, – говорилось в указе, – но долженствующих в свое время поступить в ординарные профессора, назначается со дня введения устава, годовой срок, в продолжение коего для получения прямо высшей ученой степени обязаны они написать диссертацию, каждый по своему главному предмету и потом защищать публично взятые из оной тезы. Нынешние преподаватели восточных языков и архитектуры в университетах не подвергаются сему обряду и могут получать звание ординарного профессора, не имея степени доктора». См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 185 «Дело о пересмотре состава профессоров и преподавателей университета, в связи с введением нового устава, о новом распределении кафедр и увольнении профессоров, оставшихся за штатом /со сведениями о прохождении ими службы», 1835–1837. Л. 87 об.–88.

²⁴ О временном изъятии из общего правила касательно формы экзаменов для приобретения ученой степени, 15 апреля 1838 // Сборник постановлений... Т. 2, отд. 1. № 538. Стб. 1036–1037.

конена в 1842 г. уставом университета св. Владимира в Киеве и предназначалась для претендентов на внештатные доцентуры²⁵.

В архиве Департамента народного просвещения сохранились списки удостоенных докторской степени по одной диссертации, как по указу 1835 г., так и по указу 1838 г. Они были составлены начальником II отделения ДНП А.И. Мартыновым по запросу Комитета устройства учебных заведений, который занимался подготовкой нового Положения о присуждении ученых степеней. Воспользовавшихся дарованными императором краткосрочными привилегиями было немного. По указу 1835 г. докторскую степень получили пятеро: историк и археограф Н.Г. Устрялов (22 декабря 1836 г.) и историк литературы А.В. Никитенко (27 февраля 1837 г.) из Санкт-Петербургского и юрист Ф.Л. Морощкин (13 ноября 1837 г.), математик Н.Е. Зернов (17 октября 1837 г.) и историк литературы С.П. Шевырев (7 апреля 1837 г.) из Московского университета. По постановлению 1838 г. степени докторов наук были присуждены: историку М.С. Куторге (1 сентября 1838 г.), экономисту В.С. Порошину (26 января 1839 г.), правоведу Н.Ф. Рождественскому (2 февраля 1839 г.) в Санкт-Петербурге, экономисту А.И. Чивилеву (15 апреля 1838 г.) в Москве, словеснику М.П. Розбергу, богослову К.-Ф. Кейлю и математику К. Э. Зенфу (все трое – 23 декабря 1838 г.) в Дерпте, математику Г.В. Гречине (25 декабря 1838 г.), ботанику и натуралисту Р.Э. Траутфеттеру и астроному В.Ф. Федорову (оба – 2 февраля 1839 г.) в Киеве, юристу Г.С. Гордеенкову (30 сентября 1838 г.), математику Н.А. Дьяченко (16 декабря 1838 г.), писателю В.А. Якимову (7 января 1839 г.), философу М.Н. Протопопову (20 января 1839 г.) и физику В.И. Лапшину (7 апреля 1839 г.) в Харькове, а также историку литературы К.К. Фойгту (20 января 1839 г.), химику К.К. Клаусу (15 февраля 1839 г.) и юристу Г.Л. Фогелю (28 февраля 1839 г.) в Казани²⁶.

После принятия нового университетского устава в апреле 1837 г. министерство опубликовало новое «Положение об испытании на ученые степени»²⁷. Оно было принято на три года «в виде опыта».

Таким образом, в конце 1820-х – 1830-х гг. в законодательном поле Российской империи, кроме параллельно существующего специального законодательства для соискателей духовных и медицинских степеней²⁸, существовало по меньшей мере девять официально оформленных, но никак при этом не связанных траекторий академической аттестации:

- локальные уставы университетов (1803, 1804 и 1820 гг.);

²⁵ Иванов 1994. С. 139-140.

²⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 89. Д. 178 «Дело о пересмотре положения об испытаниях на ученые степени по замечаниям и дополнениям попечителей учебных округов, ч. 2», 1839–1844. Л. 110, 112-113.

²⁷ Положение об испытаниях на ученые степени, 28 апреля 1837 // Сборник постановлений... Т. 2, отд. 1. № 484. Стб. 984–988.

²⁸ См., напр.: Сухова 2009; Гатина, Вишленкова 2014.

- единое для всех университетов «Положение о производстве в ученые степени» от 20 января 1819 г.;
- разрешение для воспитанников Профессорского института защищаться на соответствующие их знаниям ученые степени от 11 ноября 1830 г.;
- разрешение на аттестацию по специальной программе для студентов из ведомства М.М. Сперанского от 15 декабря 1833 г.;
- разрешение на замену защиты диссертации публичной защитой тезисов для студентов Сперанского от 13 мая 1835 г.;
- указ о специальной программе экзаменов для пяти выпускников Профессорского института при Дерптском университете от 23 июля 1835 г.;
- «Общий устав императорских российских университетов» (для Московского, Санкт-Петербургского, Казанского и Харьковского университетов) от 26 июля 1835 г.;
- инициатива министра о защите адъюнктами университетов диссертации на степень доктора без предварительных экзаменов от 31 декабря 1835 г. (повторенная в апреле 1838 г.);
- «Положение об испытаниях на ученые степени» (для Московского, Санкт-Петербургского, Казанского и Харьковского университетов) от 28 апреля 1837 г., несколько откорректированных в 1844 г.

Выстраивание индивидуальных траекторий:

магистерская и докторская аттестации А.И. Чивилева

Во всей этой полифонии законодательных инициатив в области научной аттестации, которые зачастую не были соотнесены со структурой университетов и имеющимися там специалистами, каждый соискатель лишь иногда полностью вписывался в идеальные, прописанные законодателем рамки. Чаще молодой ученый был вынужден лавировать между разными программами и пытаться угадать установленные властью правила, определяя свою индивидуальную траекторию обретения ученой степени и выстраивая свой собственный путь научной карьеры.

Интересна судьба научных аттестаций воспитанников Профессорского института. Так, из 20-ти первоначально отобранных воспитанников двое (П. Шкляревский и П. Шрамков) умерли в Дерпте, и вместо них были присланы выпускники Дерптского университета М.М. Лунин и В.С. Порошин; А. Шуманский выбыл в гражданскую службу. В конце 1832 – начале 1833 г. состоялась серия защит воспитанников института. По результатам, 13-ти из них была присуждена степень доктора: шести – доктора медицины (хирурги Н.И. Пирогов и Ф.И. Иноземцев, физиолог А.М. Филомафитский, терапевт Г.И. Сокольский и Н.А. Скандовский, С.С. Куторга), шести – доктора философии (филологи Д.Л. Крюков и А.О. Валицкий, историк М.М. Лунин, математик П.И. Котельников, ботаники П.Я. Корнух-Троцкий и И.О. Шиховский, причем последний получил в Дерпте и степень доктора медицины в 1829 г.), одному – степень доктора юриспруденции (И.И. Ивановский). Трое вос-

питанников были удостоены звания магистров философии (экономист А.И. Чивилев, физик В.И. Лапшин, историк М.С. Куторга). За границей к ним присоединился кандидат Санкт-Петербургского университета филолог В.С. Печерин, который по возвращении из Европы осенью 1835 г. сдал в Московском университете экзамены по аналогичной с воспитанниками М.М. Сперанского программе²⁹. Воспитанники Московского и Петербургского университетов соответственно – П.Г. Редкин и П.Д. Калмыков в 1828 г. были определены в Профессорский институт, но в конце 1830 г. покинули Дерпт из-за временного «расстройства» юридического факультета университета. Студенты были определены в программу Сперанского и сразу же отправлены в Берлин к выдающемуся юристу Ф. К. фон Савиньи, где в это время проходили стажировку остальные воспитанники II Отделения³⁰.

Квинтэссенцией законодательной путаницы и непредсказуемости является история академической аттестации экономиста А.И. Чивилева. В «Биографическом словаре профессоров и преподавателей императорского Московского университета», составленном С.П. Шевыревым и опубликованном к 100-летию Московского университета, есть автобиографическая справка Чивилева. В ней профессор упоминал, что в 1823 г. он поступил на философско-юридический факультет Санкт-Петербургского университета и закончил его через четыре года, в 1828 г. получил степень кандидата прав и был назначен в число воспитанников Профессорского института в Дерпте. Для изучения им была выбрана политическая экономия, составлявшая в Дерптском университете центр камерального отделения философского факультета. Чивилев «слушал лекции о науке полиции, науке торговли, сельском хозяйстве, технологии, физике, химии, и также о философии, государственном праве русском и европейских государств, международном праве, истории римского права, истории всеобщей и русской статистики и географии». В дополнение к изученным в университете латинскому, немецкому и французскому языкам Чивилев изучал английский язык, чтобы читать в подлиннике английских экономистов. В начале 1833 г. он сдал экзамены на степень магистра философии и защитил диссертацию «О призрении бедных»³¹.

Рассказывая об учебе в Дерптском университете, Чивилев отредактировал прошлое. В 1828 г. в составе философского факультета было не камеральное отделение, а технолого-экономический класс, в состав которого входили камеральные, финансовые и торговые науки, экономия, технология, гражданская архитектура и военные науки³². Политическую

²⁹ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 477. Д. 23. Л. 156-156 об., 160-160 об., 177-178 об., 185-186, 191.

³⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 671 «Дело о командировании воспитанников Профессорского института Калмыкова и Редкина в Берлин...», 1830–1831. Л. 1-2, 4.

³¹ Биографический словарь... Ч. 2. С. 554-555.

³² Устав императорского Дерптского университета, 4 июня 1820 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. № 389. Стб. 1268.

экономии преподавал профессор камеральных, финансовых и торговых наук Эб. Фридендер, занимавший эту кафедру с 1828 по 1854 г.³³ Любопытно, что в «Обзоре деятельности императорского Дерптского университета на память о 1802–1865 годах», который был составлен по отчетам и донесениям, представленным попечителю Дерптского учебного округа в 1866 г., указано, что Чивилев в 1833 г. «приобрел» степень магистра политической экономии³⁴. Между тем, везде, включая автобиографию Чивилева и титульный лист его диссертации, он фигурирует как магистр философии. Такое расхождение очень странно, так как, согласно законодательству (и уставу 1804 г., и Положению 1819 г.) степень магистра присуждалась по классу наук, а доктора – по факультету. Поэтому, каким образом три воспитанника Профессорского института (Чивилев, М. Куторга и Лапшин) стали магистрами философии (о чем также свидетельствуют титульные листы их диссертаций) еще предстоит выяснить.

Скорее после защиты диссертации, в июле 1833 г. Чивилев, как и многие воспитанники института, отправился на стажировку в Берлин. Ученый отмечал, что, несмотря на «цветущую пору» Берлинского университета, политическая экономия не была в нем представлена отдельными специалистами. Поэтому ему пришлось изучать ее по книгам и параллельно слушать лекции по полиции и статистике Прусского королевства, географии, геогнозии, естественного и государственного права, философии истории, государственного прусского права, философии, технической химии³⁵. Через два года он вернулся в Санкт-Петербург³⁶, и после прочтения пробной лекции о камеральных науках в Академии наук был назначен преподавателем в Московский университет³⁷. Так

³³ До этого он был преподавателем в Кенигсбергском университете и известен сочинением об английском таможенном устройстве. Обзор деятельности... С. 113-114.

³⁴ См. Обзор... С. 115. Интересно, что Чивилев стал первым из трех (за первую половину XIX в.) магистров по этому классу наук. Первым (из двух) доктором политической экономии стал И.Я. Горлов, воспитанник Профессорского института второго набора, защитивший диссертацию в 1838 г. Из пяти диссертаций по политической экономии, защищенных в Дерптском университете с 1833 по 1856 г. только одна написана на латыни (И.Я. Горлов, 1838 г.), одна – на французском (Чивилев, 1833 г.) и три – на немецком (П. Ливен, 1844 г., Ю.А. Микшевич, магистерская 1852 г. и докторская 1856 г.). Кроме того, вместе с Чивилевым как специализирующийся по политической экономии упоминается еще один воспитанник Профессорского института – И.И. Ивановский, который в итоге защитился на степень доктора юриспруденции.

³⁵ Биографический словарь... Ч. 2. С. 555.

³⁶ А.В. Никитенко, преподаватель С.-Петербургского университета и товарищ возвратившихся из Европы ученых, записал в дневнике 17 июня 1835 г.: «Возвратились из-за границы студенты профессорского института. У меня уже были Печерин, Куторга младший, Чивилев. Колмыков приехал прежде. Они отвыкли от России и тяготятся мыслью, что должны навсегда прозябать в этом царстве рабства. Особенно мрачен Печерин». См. Никитенко 1893. С. 358-359.

³⁷ Из воспитанников Профессорского института в Московский университет также были определены: И.О. Шиховский, Д.Л. Крюков, А.М. Филомафитский, А.И. Чи-

как Чивилев не имел степени доктора, то, согласно принятому 23 июля указу об испытании возвратившихся из заграничных стажировок воспитанников Профессорского института, он был оставлен в столице³⁸. Однако 9 октября Уваров сообщил попечителю Московского учебного округа С.Г. Строганову, что вернувшихся из-за границы ученых удобнее будет подвергнуть испытаниям непосредственно в тех университетах, куда они были распределены³⁹.

Чивилев был отправлен в Московский университет, профессора которого должны были провести ему испытания на степень доктора до 1 января 1836 г. Руководствоваться при этом можно было либо Положением о присуждении ученых степеней 1819 г. или же уставом 1835 г. Правовое основание выбирал сам испытуемый⁴⁰. В данном случае представляемый магистру выбор очень важен, так как по Положению 1819 г. политическая экономия входила в круг наук юридического факультета, а по уставу 1835 г. «политическая экономия и статистика» вошли в состав Первого (Словесного) отделения философского факультета⁴¹. От выбора правового акта зависел факультет, профессора которого будут проводить экзамены, а также набор дисциплин, которые предстояло сдавать в качестве дополнительных. 5 ноября 1835 г. Чивилева пригласили на заседание университетского совета и спросили, каким образом он желает проходить испытания на степень доктора. Однако молодой ученый ответил, что не может подвергнуться испытанию на степень доктора «за неимением в Московском университете отделения наук камеральных, которые в продолжение семи лет составляли главный предмет его занятий». Он просил разрешения остаться в звании адъюнкта при кафедре политической экономии и статистики⁴², на что Уваров и согласился в конце ноября 1835 г., а еще через месяц министр одобрил ходатайство попечителя об утверждении Чивилева адъюнктом. Последнему было временно (до определения по кафедре ординарного профессора) доверено чтение по-

вилев и В.С. Печерин. Их было предписано не утверждать в званиях до введения нового устава, но назначить жалованье ординарных профессоров (ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 477. Д. 23. Л. 122–122 об.) Чуть позже (19 сентября) в Москву был определен Ф.И. Иноземцев (См.: Биографический словарь... Ч. 1. С. 356.)

³⁸ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 477. Д. 23. Л. 123.

³⁹ Интересно, что, отправляя воспитанников С.-Петербургского университета в Москву, Уваров буквально в это же время настойчиво приглашает на экзамен в Петербург адъюнкта Московского университета Шевырева (выпускника Благородного пансиона при университете), обещая ему легкий экзамен на степень доктора (подробнее см.: Ильина 2015. № 1. С. 74–89). Ученики Сперанского первого набора в это время также защищались в С.-Петербургском университете.

⁴⁰ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 477. Д. 23. Л. 160.

⁴¹ О производстве в ученые степени на основании положения о сем, 20 января 1819 // Сборник постановлений... Т. 1. № 340. Стб. 1136.; Общий устав императорских российских университетов, 26 июля 1835 // Т. 2, отд. 1. № 363. Стб. 744.

⁴² РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 185. Л. 32–32 об.

литической экономии, в то время как статистику Российского государства было поручено читать М.Т. Каченовскому⁴³.

Известие об указе от 31 декабря 1835 г., который разрешал адъюнктам университетов получать докторские степени без экзаменов, вызвало в Москве серию сначала деклараций о намерении написать диссертации, а потом и защит. Не стал исключением и Чивилев. В протоколе Первого отделения философского факультета от 10 октября 1836 г. упоминается, что Чивилев представил на рассмотрение отделения две возможных темы своей будущей докторской диссертации («О доходе народном» и «О займах государственных»), оговорив право впоследствии выбрать одну из них. Темы были представлены в совет университета и утверждены⁴⁴.

24 февраля 1836 г. декан отделения Каченовский доносил совету университета, что адъюнкт Чивилев представил диссертацию «О народном доходе»⁴⁵ на соискание докторской степени. Декан обрисовал противоречивую ситуацию, с которой он столкнулся: «По прочтении оной, я препроводил ее к прочим г[осподам] профессорам, которые однако же объявили мне единогласно, что диссертация, по содержанию своему, подлежит суждению г[оспод] членов юридического факультета, как чиновников по роду занятий своих с большею справедливостью могущих определить достоинство сочинения г. Чивилева, и что к мнению их будет оказано должное уважение. Будучи совершенно согласен с товарищами своими я имею честь представить сие дело и самую диссертацию г[осподина] Чивилева на благоусмотрение совета»⁴⁶. В тот же день совет университета постановил направить диссертацию на рассмотрение юридического факультета, о чем факультет был оповещен специальным письмом от 4 марта. 7 апреля декан юридического факультета профессор Н.С. Васильев сообщил совету университета о результатах экспертизы диссертации профессорами-юристами: сочинение было «единогласно одобрено членами факультета». Получив донесение коллег-юристов, профессора университетского совета приняли решение о публикации текста диссертации⁴⁷. 26 мая 1837 г. декан отделения представил «одобренную и напечатанную»⁴⁸ в университетской типографии диссертацию кандидата прав и магистра философии Чивилева на сте-

⁴³ Там же. Л. 35; 40 об.; 97 об.-98 об.

⁴⁴ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 477. Д. 24 «Переписка совета императорского Московского университета с I отделением философского факультета по учебным вопросам», 1836. Л. 110 об.-111, 139.

⁴⁵ О диссертации Чивилева см.: Петров 2003. Т. 4, ч. 1. С. 179.

⁴⁶ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 5. Д. 174 «Об избрании г[осподином] о[рдинарным] п[рофессором] Погодиным и другими преподавателями тем для диссертаций на доктора», 1836–1838. Л. 11.

⁴⁷ Там же. Л. 12, 13, 28, 29 об.

⁴⁸ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 477. Д. 25 «Переписка совета императорского Московского университета с I отделением философского факультета по учебным вопросам», 1837. Л. 33. Текст диссертации см.: ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 5. Д. 174. Л. 33-63 об.

пень доктора философии. Диссертация соответствовала одобренному советом оригиналу диссертации и занимала 60 страниц.

Защита Чивилева состоялась 2 июня 1837 г. в 11 утра на заседании совета Первого отделения философского факультета в присутствии попечителя и его помощника, ректора университета и депутатов от совета. Профессора признали соискателя достойным искомой степени. Через несколько дней они подготовили и отправили через попечителя министру все необходимые документы, и ждали ответа на представление главы округа министру с утверждением Чивилева в степени⁴⁹. Казалось, все формальности были соблюдены, и ничего не предвещало бури. Но 16 июля 1837 г. министр отказал попечителю в утверждении Чивилева. Уваров разяснял главе учебного округа (а через него и профессорам), что постановление от 31 декабря 1835 г., ускоряющее прохождение аттестации на степень доктора для университетских адъюнктов и преподавателей, касалось только тех, кто к этому времени уже находился в звании. И уж тем более оно никак не могло касаться «тех русских ученых, которые с столь большими издержками правительства были и внутри империи, и за границу приготовлены и снабжены всеми возможными средствами к достижению высшего ученого образования»⁵⁰. Также министр напомнил о специальном постановлении для воспитанников Профессорского института в Дерпте⁵¹. Принимая защищенную диссертацию, министр для присуждения искомой степени требовал от соискателя дополнить ее «прочими формами испытания», согласно новому положению о присуждении ученых степеней 1837 года.

21 августа профессора Московского университета получили отношение главы округа об отказе утвердить Чивилева в степени⁵², а уже через три дня в собрании отделения были проведены требуемые испытания в присутствии ректора и депутатов с других факультетов. Главным предметом для письменного экзамена Чивилева была статистика. Соискатель письменно ответил на три вопроса: «1) О важности теории статистики, 2) о пособиях статистики, 3) о влиянии континентальной системы на дела Европы». По результатам экзамена профессора признали Чивилева «по отличному знанию главного предмета им избранного, совершенно достойным степени доктора»⁵³. В течение двух недель было составлено представление отделения в совет университета, к которому

⁴⁹ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 477. Д. 25. Л. 68; ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 5. Д. 174. Л. 64; РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 290 «Дело о разяснении порядка присвоения степеней доктора и магистра», 1837-1840. Л. 1-1 об.

⁵⁰ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 430 «Об удостоении адъюнкта Чивилева степени доктора и об утверждении его в звании э. профессора», 1837-1838. Л. 5 об.

⁵¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 290. Л. 4-5 об.; ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 5. Д. 174. Л. 73 об.; ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 430. Л. 5-6 об.

⁵² ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 5. Д. 174. Л. 74, 75.

⁵³ Там же. Л. 79.

была приложена копия с протокола об испытании соискателя. В конце сентября, ознакомившись с представлением совета, попечитель Строганов препроводил документы в Министерство народного просвещения⁵⁴.

Завершающий этап аттестации Чивилева разворачивался уже между министерством и попечителем и не затрагивал ни соискателя, ни университет. При отсылке документов выяснилось, что в канцелярии попечителя к отсылаемым в министерство документам адъюнкта забыли приложить протокол об экзаменах, который и был запрошен столичными чиновниками. Документы были получены в столице 12 октября⁵⁵.

Параллельно с этим 9 октября 1837 г. дело «о докторском экзамене» Чивилева затребовал управляющий Министерством народного просвещения⁵⁶. Эту должность с 18 июля по 27 декабря 1837 г. занимал граф Н.А. Протасов, обер-прокурор св. Синода, в 1835-1836 г. он был помощником министра народного просвещения⁵⁷. Деятельность Протасова на посту управляющего министерством характерна тем, что он, не желая брать на себя ответственность, в спорных и неоднозначных случаях ссылаясь на «букву закона». Так было, например, в случае с ходатайством Казанского университета о введении должности архивариуса, которой не было в штатном расписании императорских университетов по уставу 1835 г.⁵⁸ В несоответствие действующим актам упиралась и аргументация подготовленного Протасовым и чиновниками министерства ответа попечителю Строганову. В письме говорилось, что при всем желании возглавляющего министерство чиновника, утверждение Чивилева в степени доктора невозможно. Причиной этого решения указывалось несоответствие проведенного для соискателя на факультете устного экзамена по статистике Положению об испытании на ученые степени от 28 апреля 1837 г., которым была предписана серия устных и письменных испытаний по нескольким дисциплинам факультета. Черновик этого письма изначально готовился для подписи Протасову, но в итоге был подписан вернувшимся в Санкт-Петербург Уваровым⁵⁹.

17 декабря Строганов в ответном письме министру подробно пересказывал этапы научной биографии Чивилева и доказывал, что тот «не должен быть подводим под общую форму испытания в предметах». Главным аргументом для главы округа стала, во-первых, специализация Чивилева в области политической экономии. Во-вторых, попечитель отмечал, что Чивилев никогда не занимался науками, входящими в состав Первого отделения философского факультета (филологией и историей) и

⁵⁴ Там же. Л. 78, 81.

⁵⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 290. Л. 6 – 6 об., 7, 9.

⁵⁶ Там же. Л. 8.

⁵⁷ Русский биографический словарь. Т. 15. С. 82.

⁵⁸ Подробнее об этом см.: Ильина, Вишленкова 2013. С. 344-345.

⁵⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 290. Л. 9; Беловик письма, подписанный Уваровым см.: ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 430. Л. 13-13 об.

оказался в составе этого, а не юридического факультета, «единственно потому, что при новом распределении кафедр [по уставу 1835 г.], политическая экономия к оному причислена»⁶⁰. В-третьих, Строганов упоминал, что политическая экономия вообще не указана в таблице испытаний, прилагаемой к Положению о присуждении ученых степеней. Переходя к общим проблемам научной аттестации в университетах, глава учебного округа высказался о необходимости изменить правила докторских испытаний в связи со специализацией соискателей и в заключении просил министра утвердить Чивилева в степени доктора⁶¹.

На это письмо Строганова наложена резолюция: «Г. министр приказал: приготовить всепод[даннейшую] записку о дозволении в течение трех лет не соблюдать в точности правило о неопределении в профессорах и адъюнкты неимеющих требуемых для того ученых степеней. 5 января 1838»⁶². Уваров планировал решить проблему, сделав Чивилева профессором без присуждения ему докторской степени. Записка была представлена в Комитет министров, который, однако, посчитал неприемлемым присваивать звание профессора и «высший чин» без защиты докторской диссертации (исключением могли стать только знаменитые в ученом мире иностранцы)⁶³. Министр оказался в заложниках у порожденной им системы. Но выход был найден, когда Уваров подал императору записку, в которой просил «об изъятии на время из общего правила касательно формы экзаменов для приобретения ученых степеней», на что и получил согласие 12 апреля 1838 г.⁶⁴ На основании этого указа 15 апреля 1838 г. Чивилев был утвержден доктором и экстраординарным профессором по кафедре политической экономики и статистики⁶⁵.

Итак, в конце 1820-х – начале 1830-х гг. произошло перераспределение власти между участниками процесса научной аттестации. Расстановка сил сильно отличалась от 1810–1820-х гг., когда основную роль в присуждении ученых степеней играли профессора, а вмешательство министра было минимальным. В результате реализации правительственных программ императорские университеты получили молодых профессоров, обладавших степенью доктора наук. По данным Министерства народного просвещения, за пять лет (1832–1837) Россия обрела 372 кандидата, 19 магистров и 20 докторов (из которых 7 – в Дерптском университете в 1833 г., а 12 – в Санкт-Петербургском в 1835 г. и еще один – там же в 1836 г.). В последующее пятилетие (1837–1843) к ним прибавились 29 докторов, 33 магистра и 638 кандидатов⁶⁶.

⁶⁰ Там же. Л. 16-16 об.

⁶¹ Там же. Л. 16-17 об. Черновик см.: ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 430. Л. 14-17 об.

⁶² РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 290. Л. 16.

⁶³ Там же. Л. 22-23, 29-31.

⁶⁴ Там же. Л. 32.

⁶⁵ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 5. Д. 174. Л. 90.

⁶⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 89. Д. 178. Л. 114.

Этот рост потребовал отработки процедуры научной аттестации как в законодательной, так и практической плоскости. В 1830-х соискатели, профессора и попечители вынуждены были разбираться во множестве одновременно действующих законодательных актов и подстраиваться под меняющиеся «правила игры» и изобретаемые нормы. В ходе этого процесса новое поколение профессоров получило прививку чиновной лояльности. Молодые ученые на собственном опыте убедились, что многие (если не все) академические проблемы можно решить через министерство, заручившись покровительством заинтересованного чиновника. Видимо, отсюда уверенность С.С. Уварова в том, что он вправе волонтаристски управлять университетской корпорацией, отменяя профессиональные и экспертные решения профессоров.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- ОР РНБ. Ф. 731 (Сперанский М.М.). № 1149 «Сперанский М.М. Означение предметов и порядка испытания студентам законовения, обучавшимся в Берлинском университете», б/д. Черновой автограф. Карандаш.
- РГИА. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 118 «Дело об обучении при II Отделении Собственной ЕИВ Канцелярии», 1828–1834.
- РГИА. Ф. 733. Оп. 22. Д. 61 «Об испытании в Санкт-Петербургском университете студентов законовения, обучавшихся в Берлинском университете», 1833–1845.
- РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 185 «Дело о пересмотре состава профессоров и преподавателей университета, в связи с введением нового устава, о новом распределении кафедр и увольнении профессоров, оставшихся за штатом /со сведениями о прохождении ими службь», 1835–1837.
- РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 290 «Дело о разъяснении порядка присвоения степеней доктора и магистра», 1837–1840.
- РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 668 «Дела об установлении правил экзаменов воспитанников Профессорского института при отъезде их в научные командировки за границу и при производстве в ученые степени; об утверждении в ученых степенях воспитанников института», 1830–1832.
- РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 671 «Дело о командировании воспитанников Профессорского института Калмыкова и Редкина в Берлин для усовершенствования», 1830–1831.
- РГИА. Ф. 733. Оп. 89. Д. 178 «Дело о пересмотре положения об испытаниях на ученые степени по замечаниям и дополнениям попечителей учебных округов, ч. 2», 1839–1844.
- ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 477. Д. 23 «Переписка совета императорского Московского университета с отделением словесных наук по учебным вопросам», 1835.
- ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 477. Д. 24 «Переписка совета императорского Московского университета с I отделением философского факультета по учебным вопросам», 1836.
- ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 477. Д. 25 «Переписка совета императорского Московского университета с I отделением философского факультета по учебным вопросам», 1837. Л. 33. Текст диссертации см.: ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 5. Д. 174.
- ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 5. Д. 174 «Об избрании [господином] о[рдинарным] п[рофессором] Погодиным и другими преподавателями тем для диссертаций на доктора», 1836–1838.
- ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 430 «Об удостоении адъюнкта Чивилева степени доктора и об утверждении его в звании э. профессора», 1837–1838.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М.: Знак, 2005.
- Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета за истекающее столетие со дня учреждения января 12-го 1755 года по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку: в 2 ч. М.: Univ. тип., 1855.
- Гатина З.С., Вишленкова Е.А. Система научной аттестации в медицине (Россия, первая половина XIX века) // Вестник Санкт-Петербургского университета культуры и искусств. 2014. № 1 (18). С. 168–178.
- Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству народного просвещения, 1803–1864. СПб., 1867.
- Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в. – 1917 г. М.: АО «Чертановская типография», 1994.
- Ильина К.А. Защита диссертации С.П. Шевырева, или рождение «русского профессора» // Российская история. 2015. № 1. С. 74–89.
- Ильина К.А., Вишленкова Е.А. Архивариус: хранитель и создатель университетской памяти // Словие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов/ под ред. Е.А. Вишленковой и И.М. Савельевой. М.: ИД ВШЭ, 2013. С. 329–357.
- Корф М. Жизнь Графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 1.
- Костина Т.В. Воспитанники Санкт-Петербургского университета в Дерптском профессорском институте // Петербургские исследования: сб. науч. ст. Вып. 3. СПб., 2011. С. 219–228.
- Никитенко А. В. Дневник и воспоминания. СПб., 1893, т. 1,
- Обзор деятельности императорского Дерптского университета на память о 1802–1865 годах: составлен по отчетам и донесениям, представленным попечителю Дерптского учебного округа. Дерпт: Тип. К. Матисена, 1866. С. 113–114.
- Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. Кн. 3. Университетская профессура и подготовка устава 1835 года. М., 2000.
- Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4, ч. 1. Российские университеты и люди 1840-х годов. Профессура. М.: Изд-во Московского университета, 2003.
- Русский биографический словарь. Т. 15. Притвиц-Рейс. СПб.: Тип. Имп. АН, 1910.
- Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I, 1802–1825; Т. 2, отд. 1. Царствование императора Николая I, 1825–1839. СПб., 1864.
- Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864.
- Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1802–1834. СПб., 1866.
- Сухова Н.Ю. Система научно-богословской аттестации в XIX – начале XX вв. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009.
- Тамул В.Э. Профессорский институт и международные научные связи Тартуского университета в первой половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тарту, 1988.
- Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / под общ. ред. А.Ю. Андреева, С.И. Посохова. М.: РОССПЭН, 2012.
- Якушев А.Н. Организационно-правовой анализ подготовки научных кадров и присуждения ученых степеней в университетах и академиях России, 1747–1918 гг.: История и опыт реализации: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998.

REFERENCES

- Andreev A.Yu. Russkiiye studenty v nemetskikh universitetakh XVIII – pervoi poloviny XIX veka. M.: Znak, 2005.
- Biograficheskii slovar' professorov i prepodavatelei imperatorskogo Moskovskogo universiteta za istekayushchee stoletie so dnya uchrezhdeniya yanvarya 12-go 1755 goda po den' stoletnego yubiley a yanvarya 12-go 1855 goda, sostavlenniy trudami professorov i prepodavatelei, zanimavshikh kafedry v 1854 godu, i raspolozhenniy po azbuchnomu poryadku: v 2 ch. M.: Univ. tip., 1855.

- Gatina Z.S., Vishlenkova E.A. Sistema nauchnoi attestatsii v meditsine (Rossiya, pervaya polovina XIX veka) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2014. № 1 (18). S. 168–178.
- Dopolnenie k Sborniku postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya, 1803–1864. SPb., 1867.
- Ivanov A.E. Uchenye stepeni v Rossiiskoi imperii XVIII v. – 1917 g. M.: AO «Chertanovskaya tipografiya», 1994.
- Il'ina K.A. Zashchita dissertatsii S.P. Shevyreva, ili rozhdenie «russkogo profes-sora» // Rossiiskaya istoriya. 2015. № 1. S. 74–89.
- Il'ina K.A., Vishlenkova E.A. Arkhivarius: khranitel' i sozdatel' universitetskoï pamyati // Soslovia russkikh professorov. Sozdateli statusov i smyslov/ pod red. E.A. Vishlenkovoï i I.M. Savel'evoi. M.: ID VShE, 2013. S. 329–357.
- Korf M. Zhizn' Grafa Speranskogo. SPb., 1861. T. 1.
- Kostina T.V. Vospitaniki Sankt-Peterburgskogo universiteta v Derptskom professorskom institute // Peterburgskie issledovaniya: sb. nauch. st. Vyp. 3. SPb., 2011. S. 219–228.
- Nikitenko A. V. Dnevnik i vospominaniya. SPb., 1893, t. 1.
- Obzor deyatelnosti imperatorskogo Derptskogo universiteta na pamyat' o 1802–1865 godakh: sostavlenn po otchetam i doneseniyam, predstavlenным popechitel'yu Derptskogo uchebnogo okruga. Derpt: Tip. K. Matisena, 1866. S. 113–114.
- Petrov F.A. Rossiiskie universitety v pervoi polovine XIX veka. Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniya. Kn. 3. Universitetskaya professura i podgotovka ustava 1835 goda. M., 2000.
- Petrov F.A. Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniya v Rossii. T. 4, ch. 1. Rossiiskie universitety i lyudi 1840-kh godov. Professura. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2003.
- Russkii biograficheskii slovar'. T. 15. Pritvits-Reis. SPb.: Tip. Imp. AN, 1910.
- Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. T. 1. Tsarstvovanie imperatora Aleksandra I, 1802–1825; T. 2, otd. 1. Tsarstvovanie imperatora Nikolaya I, 1825–1839. SPb., 1864.
- Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. SPb., 1864.
- Sbornik rasporyazhenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. T. 1. 1802–1834. SPb., 1866.
- Sukhova N.Yu. Sistema nauchno-bogoslovskoi attestatsii v XIX – nachale XX vv. M.: Izd-vo PSTGU, 2009.
- Tamul V.E. Professorskii institut i mezhdunarodnye nauchnye svyazi Tartuskogo universiteta v pervoi polovine XIX v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tartu, 1988.
- Universitet v Rossiiskoi imperii XVIII – pervoi poloviny XIX veka / pod obshch. red. A.Yu. Andreeva, S.I. Posokhova. M.: ROSSPEN, 2012.
- Yakushev A.N. Organizatsionno-pravovoi analiz podgotovki nauchnykh kadrov i prisuzhdeniya uchenykh stepenei v universitetakh i akademiakh Rossii, 1747–1918 gg.: Istoriya i opyt realizatsii: dis. ... kand. jurid. nauk. SPb., 1998.

Ильина Кира Андреевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИГИТИ им. А.В. Поляева НИУ «Высшая школа экономики»; glukist@mail.ru

Trajectories of academic attestation in Russian universities in 1830s the degree award of A.I. Chivilev

The article presents an analysis of the practice of degree awarding in Russia in the 1830s. The author considered legal and archival documents and studied some typical and atypical cases of degree awards. The study of these revealed the existence of alternative ways to acquire an academic degree that made it possible for a Minister of Education to interfere into the procedures of academic attestation.

Keywords: academic attestation, Russian Empire, 1830s, legislature, Universities, Ministry of Education, Alexandr Chivilev

Кира Ильина, Candidate of History, Senior research fellow, Poletaev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities (IGITI), National Research University Higher School of Economics, Moscow; glukist@mail.ru